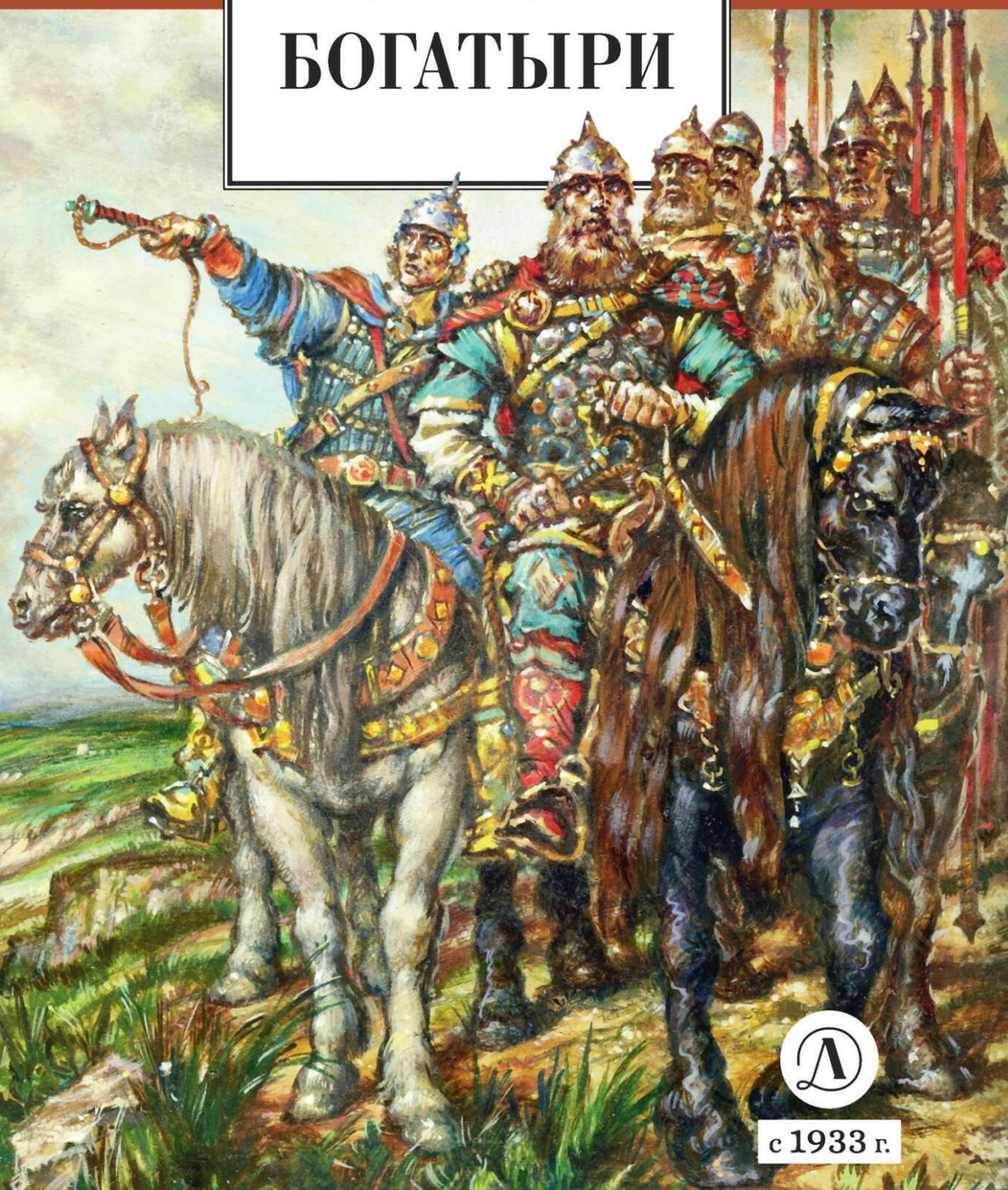

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКИЕ
БОГАТЫРИ

с 1933 г.

Школьная библиотека (Детская литература)

**Русские богатыри. Былины,
героические сказки**

Издательство «Детская литература»

1947, 1949

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Русские богатыри. Былины, героические сказки / Издательство
«Детская литература», 1947, 1949 — (Школьная библиотека
(Детская литература))

ISBN 978-5-08-006869-0

Книга о былинных и сказочных богатырях, славных защитниках родной земли, — Илье Муромце, Алёше Поповиче, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче, Вольге и других. Былины и героические сказки обработаны для детей замечательной писательницей и собирательницей фольклора Ириной Карнауховой (1901 — 1959). Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-08-006869-0

, 1947, 1949
© Издательство «Детская
литература», 1947, 1949

Содержание

По дорогам – к сказке	7
Былины	13
Вольга Всеславьевич	16
Микула Селянинович	19
Святогор-богатырь	22
Алёша Попович и Тугарин Змеевич	26
Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча	32
Добрыня Никитич в отъезде	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Русские богатыри былины, героические сказки переск

Пересказ для детей И. В. Карнауховой

Предисловие Г. Карнауховой

Художник В. Третьяков

© Карнаухова И. В., наследники, 1947, 1949

© Карнаухова Г. И., наследники, 2003

© Третьяков В. Н., иллюстрации, 2023

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

* * *

**Лучше того дела нету,
чем родную землю
от врагов защищать.**

По дорогам – к сказке

Дорогие читатели! Я начну свой рассказ о писательнице Ирине Валериановне Карнауховой как сказку.

Жила-была девочка. Звали её Ирина. Жила она с мамой и папой в древнем былинном городе Киеве. Стоит этот город на высоких холмах, на берегу широкого, многоводного Днепра.

Осенью киевские каштаны на набережной протягивают прохожим свои тяжёлые ветки, словно приглашают: «Сорви, испеки, попробуй!» И ребята до ночи пекут на кострах золотисто-коричневые плоды, разрывающиеся в огне, как хлопучки. А весной город глядит как сквозь розовую пену – это яблоневые и вишнёвые сады цветут.

Сказочно красив этот старинный в золотых куполах город: и зимой в снежной лёгкой и непрочной шубке; и летом, когда в светлом Днепре, как в зеркале, отражаются маковки его соборов; и поздней осенью – в золоте и охре медвяных ручьёв листопада.

Осенью 1914 года, когда Ирине исполнилось двенадцать лет, встретила она с необыкновенным человеком. Он словно угадал, какая судьба выпадет на долю девочки, кем она станет.

И Ирина, когда выросла, вспомнила и записала рассказ об этой удивительной встрече.

«Шёл октябрь 1914 года. Я любила этот месяц, потому что в октябре был день моего рождения, а кому не нравится этот день в двенадцать лет?

И вот я пошла в театр. На дневной спектакль. Первый раз в жизни – одна, без взрослых! Это было как-то особенно интересно и празднично. В зрительном зале прохладно и сумрачно, ещё не горела большая люстра, и не верилось, что за стеной светит солнце и кружатся осенние золотые листья.

Сидела я в ложе. Не помню, какая тогда шла пьеса, мне было не до неё: я с нетерпением ждала антракта. Дело в том, что у меня с собой была книга и она увлекла меня больше, чем спектакль. Книгу мне утром подарила мама, я начала её просматривать в трамвае, увлеклась и теперь уже не могла думать ни о чём другом. Темноту во время спектакля воспринимала как досадную помеху.

Как только закрыли занавес и снова вспыхнул свет, я схватилась за книгу. Чья-то тень упала на страницу. Я подняла глаза.

Высокий человек, лицо которого показалось мне знакомым, перегнулся через барьер и заглядывал в мою книгу.

Я отодвинулась: почему-то всегда неприятно, когда заглядывают в книгу, которую читаешь.

Он отвёл глаза, улыбнулся и спросил:

– Что вы с таким увлечением читаете, девочка?

– Горького, „Детство“, – буркнула я не очень вежливо.

– И вам нравится? Вам интересно?

– Очень. Не мешайте, пожалуйста, скоро опять свет потушат.

– Не буду, не буду.

Он встал и вышел из ложи.

Уже поднимался занавес, когда он снова сел рядом. Нагнувшись, он спросил шёпотом, как будто у нас уже была общая тайна:

– Всё ещё интересно?

Читать было уже нельзя, и я ответила менее сурово:

– Да.

– А какое место вы читаете?

– К деду приехали... Там Сашка...

На нас зашикали, заворчали, пришлось замолчать.

В следующем антракте произошёл конфуз. Я читала: „Дед бросил меня на лавку, разбив мне лицо...“ Я читала дальше, а слёзы уже давно собрались в глазах. Сдерживая всхлипывания, я читала, как мать бегала вокруг лавки и хрипела: „Папаша... Отдайте!..“

Тут я не выдержала, громко потянула носом, и слёзы закапали на открытую страницу. Я старалась закрыться книгой. Но странный мой сосед привстал, взял книгу из моих рук, взглянул на мокрое от слёз лицо и вдруг крепко обнял меня за плечи, притянул к себе.

– Не надо плакать, девочка, – сказал он очень мягко, – всё вышло гораздо лучше, чем можно было ожидать. Гораздо лучше... Алёша вырос, стал писателем... И говорят, даже известным, – вдруг усмехнулся он.

После спектакля он проводил меня домой, и мы разговаривали. Я рассказывала, что сегодня мой день рождения и мама подарила мне эту книжку. А мой спутник тоже говорил о книгах и советовал мне читать побольше.

– Только не в театре, – улыбнулся он. – В театре надо смотреть и слушать.

Мы шли моим любимым парком и любовались осенним тёмно-синим Днепром. А мой спутник вспоминал Волгу и говорил о реке, как о родном человеке.

Расстались мы у дверей моего дома. Кто он был, я так и не узнала.

Прошёл ровно год. Опять настал день моего рождения. Вдруг позвонил почтальон и подал мне заказную бандероль из Петрограда. На бандероли круглым, чуть приплюснутым почерком был написан мой адрес и – „Госпоже Ире“. Уголок снизу очерчен кривой линией, и за ней подпись и обратный адрес: „От А. Пешкова. Кронверский, 23“.

В посылке были две книги: „Сказки“ и „Лето“ и ещё записка, всё тем же почерком:

*В день рождения – Ире. Эти книги веселее прочитанной Вами раньше. Над ними Вы не будете плакать. И мне почему-то кажется, что Вы будете писать, когда вырастаете. И, может быть, сказки? Ведь у них почти всегда счастливый конец. Пусть будет так.
Максим Горький.»*

Эта встреча стала началом длинной дороги в творчество. Но вы, конечно, знаете: чтобы кем-то стать, нужно многим интересоваться, много читать, учиться, работать... И всё делать увлечённо!

Ирина училась, окончила киевскую гимназию, потом решила учиться библиотечному делу. Книги она очень любила, была отличницей – вот и командировали Ирину в Москву на курсы библиотекарей Главполитпросвета в распоряжение Надежды Константиновны Крупской. В характеристике, выданной Ирине Карнауховой, значилось: «...заведовала библиотекой санатория „Детский Городок“ и показала себя не только знающим и добросовестным работником библиотечного дела, но и прекрасным рассказчиком – особенно ей удаются сказки...»

«Знающему работнику» было тогда восемнадцать лет.

О первой встрече с Надеждой Константиновной сохранилась подробная запись в «Дневнике инструктора», который аккуратно вела Ирина.

«Мы (с подругой) шли за комендантом Васей, опустив головы, испуганные барабанной дробью, вылетающей из-под наших деревянных сандалий.

Другой обуви не было. Не хватало ни хлеба, ни соли, а о сахаре и мечтать было нельзя, ведь страна вставала из разрухи... Но мы хотели учиться и очень смущались, что предстанем перед Крупской в таком непрезентабельном виде.

– Здесь, – сказал комендант и оглядел нас строго. Заправил гимнастёрку, снял кепку и постучал.

Мы испуганно замерли.

– Войдите, – раздался негромкий голос.

Опустив головы, мы переступили порог. Сандалии, как кастаньеты, отщёлкали наши шаги.

– Что это? – спросил тот же голос, и явная смешинка в нём сразу ободрила нас.

Я бросила быстрый взгляд на Надежду Константиновну. Она стояла у окна. Среднего роста, сутулая, худая. На ней было лёгкое, выдавшее виды пальто из серой чесучи и белая полотняная панама. Близорукие глаза, прищурившись, глядели на наши ноги.

– О, какие... гречанки к нам приехали, – сказала Надежда Константиновна, сдерживая улыбку. И она посмотрела нам в глаза: – Озорные, умные, такие нам и нужны, ведь мы будем работать с детьми, учить их любить книгу... Да что это я! Вас же покормить и помыть надо – сами ещё дети! Вася! Мигом – талоны в столовую и в баню, а потом проводи в общежитие этих... Психей.

И мы поняли, что прозвище „Психей“ (они ходили в Греции в деревянных сандалиях) останется за нами надолго...

И закружила нас московская жизнь, заполненная до краёв учёбой. Если читал лекцию Луначарский, то мы пробивались на эту лекцию. А если из Петрограда в Москву приезжал на одно выступление наш любимый поэт Блок, то последнюю драгоценную горсть соли, присланную из Киева мамой, я меняла на рынке на ветку сирени, и мы подносили её поэту.

Как это прекрасно, когда твоя молодость совпадает с молодостью твоей страны и когда тебе встречаются такие учителя, как Надежда Константиновна Крупская!..»

Шло время. Долго ли, коротко ли, как говорится в сказках, поступила Ирина в Институт истории искусств в Ленинграде. Стала студенткой фольклорного отделения и увлеклась «дитячьей сказкой».

В это время Ирина писала в дневнике: «Поэтическое народное слово учит сызмальства ребёнка прекрасному родному языку, вот почему я сразу выбираю сказку! Верно угадал во мне сказочную душу Алексей Максимович, я буду собирать сказки...»

Передо мной листочки пожелтевшей от времени бумаги с круглыми печатями – это мандаты и командировочные удостоверения.

«Дано Ирине Валериановне Карнауховой, сотруднику фольклорной экспедиции, следующей по маршруту: Кемь, Сорока, Сумской Посад, Лапно, Нюхча, Выгозеро, Повенец, Медвежья Гора... для изучения народного творчества. Просьба ко всем советским, партийным и общественным организациям оказывать тов. Карнауховой всемерное содействие в её работе и получении продовольствия, помещения для жилья и транспорта для передвижения...» 1927 год.

«...Для изучения фольклора рыбацких колхозов и народного творчества Карелии направить Ирину Карнаухову в экспедицию с фольклорным отрядом сроком на полгода». 1930 год.

«...Карнаухову И. В. направить для участия в Северной экспедиции в Архангельскую губернию в качестве научного сотрудника по сбору и исследованию крестьянского искусства, особенно сказки, преимущественно по реке Пинеге и её притокам». 1932 год.

Таких удостоверений и мандатов сохранилось у меня более десятка – они скупым языком делового документа рассказывают о трудных путешествиях на Север.

Вы спросите, читатели, как это – «собирать сказки»? Ведь не растут же они на земле, как грибы и ягоды? Не растут, верно. Учёные-фольклористы отправляются за песней, былиной, сказкой, частушкой в далёкие экспедиции – едут в глухие края на поиски живого самоцветного народного слова, чтобы записать, сохранить, изучить.

И надо ещё суметь упросить, уговорить, «разговорить на сказку». «Это ведь не так уж просто: вдруг незнакомому человеку „сказку показать“», – вспоминала о таких «сборах сказки» Ирина Валериановна.

Представьте, читатель, быстрые холодные реки с порогами, на которых в щепки разбиваются плоскодонные лодки. Представьте себе чум, покрытый оленьими шкурами, – жилище ненцев-кочевников. В центре чума – очаг. Покачивается подвешенная на коромысле под потолком люлька с младенцем, у огня на шкурах ползают малыши постарше, а бабушка в меховых унтах и жилетке, расшитой цветной тесьмой, рассказывает сказки... Вечер длинный... Неторопливо вьётся сказка, прищёлкивает, прицокивает языком бабушка, закипает над очагом растаявший в котелке снег...

Много сказок и песен услышала и записала Ирина Валериановна на Севере. Сложились они в книжку «Сказки и предания Северного края».

Другая книжка для ребят – «Кружево на мачте» – родилась из рассказа поморки, с которой встретила Ирина Валериановна в маленьком северном селе на берегу Белого моря.

«Вдруг посреди беседы нашей, – вспоминала писательница, – встала хозяйка и показала мне диковинной красоты кружевную ленту. Развернула – будто пена морская сверкает, будто Марья Моревна в горницу вошла...

– Это кружево, – говорит хозяйка, – меня от смерти неминуемой в море спасло. В погожее утро девчонкой отправилась я за рыбой. Мы ведь тут все рыбачим. И вдруг налетел ветер, поднялся шторм. Ну, думаю, пропаду... Не увидят рыбаки мою лодку с берега... Как им знак подать? И вот что я надумала: прилажу-ка кружевную ленту на мачту (я её всегда с собой в море брала. Там и плела, как выдавалась минута свободная).

Заплескалось по тёмному грозному небу моё кружево, а я в лодке жду последнего своего часа – конца неминуемого.

Заметили с берега рыбаки: что за диво? Кружево по небу летит – сигнал подаёт. Может, в беде кто? Помощь требуется?! Спустили они в штормовую волну лодки – у нас, у поморов, закон: друг за дружку держись!..

...Послушала я хозяйку да и написала книжку о ненечкой девочке Ленке-кружевнице и о мальчике Харри – погонщике оленей. Так вышли в свет мои северные повести „Ой-хо!“ и „Кружево на мачте“.

Но и в эти годы я не забывала о сказке. О сказке, которая рассказывается – сказывается, значит, живёт в устах, голосе рассказчика. И решила я сама попробовать „сказки сказывать“, я ведь их столько наслушалась, столько записала!..»

Так родилась «бабушка Арина» – образ сказочницы из северной деревни, собирающей вокруг себя «ребятушек», чтоб сказку рассказать.

Голос Ирины Валериановны Карнауховой в образе бабушки Арины прозвучал впервые по Ленинградскому радио в 1936 году:

Здравствуйте, ребятушки, здравствуйте, голубятушки! Это я, бабушка Арина, к вам в гости пришла, сказку с присказкой принесла. Сказки мои старинные, не короткие, не длинные. Про дуб высокий, про Верлиоку,

про гусей-лебедей, про диких зверей. А ты сядь в уголок, возьми в руки пирожок, помалкивай – кушай, нашу сказку слушай...

Так начинались передачи сказочницы бабушки Арины по радио. И так писательница Ирина Карнаухова начала новую книжку «Сказки бабушки Арины». Она сложилась постепенно из сказок, присказок и загадок радиопередачи. Получилась яркая «сказочная энциклопедия» для малышей.

Вскоре на радио посыпались письма: слушатели приглашали бабушку Арину на праздники в детский сад, в библиотеку. И бабушка Арина решила попробовать – приняла приглашение и вышла к маленьким зрителям на эстраду. Это было сложно, ведь в те годы Ирина Валериановна была молода и совсем не походила на старушку. Но тут пригодились наблюдения, ведь столько сказителей слушала она в экспедициях! Она надевала привезённый из Архангельской губернии старинный, шитый серебряной тесьмой сарафан до пят, белую холщовую рубашку, накидывала яркий домотканый платок на плечи, а другой маленький платочек, «по моде» северных поморских сказительниц, повязывала венчиком на голове; несколько морщинок гримом – и вот уже певуче полилась, появилась сказка.

Сказки для «живого показа» отбирала бабушка Арина особенно тщательно, пересматривала десятки вариантов, выбирала самые поэтичные. «Сказочник должен... чувствовать музыку слова, поэтичность формы...» – записала Ирина Валериановна в мае 1941 года.

А 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Ирина Валериановна сначала пошла работать санитаркой в военный госпиталь в Ленинграде. Потом эвакуировалась с детским лагерем-интернатом Литературного фонда Союза писателей «в должности воспитателя» – «общей мамы», как её там называли. Взяли в этот интернат и меня.

Нас было 360 детей, мал мала меньше. Ясельных несли на руках. Я помню нескончаемую дорогу – сначала поезд, потом пароход по Волге и Каме, потом телеги сквозь густой чёрный лес... Нас эвакуировали в маленькую деревню Чёрная среди дремучих лесов на Урале.

Здесь Ирина Валериановна работала воспитательницей, преподавала в младших классах школы, выезжала выступать вместе с бригадами актёров и писателей в госпитали Перми, Краснокамска, Свердловска.

По документам и личным воспоминаниям о годах войны написаны «Повесть о дружных» и «Наши собственные». Это книги о детях, которых «обожгла война», как пишет Карнаухова. В этих книгах она говорит с читателями о самом главном, и уже не через образ бабушки Арины, а от своего имени, из своего времени.

«Я обращаюсь к тебе, читатель, прямо к тебе: ты всегда ведёшь себя правильно? Ты понимаешь, что надо брать на себя то, что трудно сделать другому, а тебе легко? Бери в свои сильные молодые руки всё, что трудно сделать другим: маме, бабушке, младшей сестрёнке. Ведь с дома, с твоей семьи, и начинается любовь...

А потом ширится круг – вы учитесь любить и защищать друга. А потом ещё шире – вы становитесь солдатами, все мы солдаты в этой жизни...

Мы любим Родину, мы защищаем её в беде. Мы не отдадим её врагу. Так несли службу верную и герои сказок и былин: Иван – крестьянский сын, Никита Кожемяка, Илья Муромец...»

Этим обращением писательница как бы сомкнула прошлое и настоящее: и солдаты Великой Отечественной, и былинные богатыри, и герои народных сказок – все они боролись с недругом, защищали малых и слабых, освобождали родную землю.

Совершенно случайно пересказала Ирина Валериановна для детей русские былины. Нет, не изменила она своей привязанности к сказке. Былина хоть и не сказка, а всё же у них много общего. Ведь бок о бок сражались Илья Муромец и Иван – крестьянский сын, Добрыня и

Никита Кожемяка, Алёша Попович и Иван-царевич, защищая Русскую землю и её народ от врагов.

Книга «Русские богатыри» стала, пожалуй, главной книгой И. Карнауховой. Вот она перед тобой, читатель. Остаётся только пожелать доброго пути в книжку, и я хочу сделать это словами самой Ирины Валериановны Карнауховой:

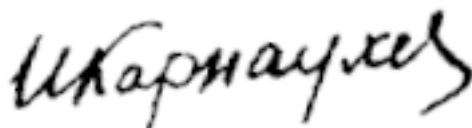
Итак, в путь! Вам предстоит путешествие в книгу сказок и былин, а это очень увлекательное и полезное путешествие... Ну-ка, дай мне руку, читатель, дай мне руку, и пойдём знакомиться с нашими героями... Путь предстоит не близкий. Потому хорошенько осмотри свои сандалии – у них всегда отрываются пряжки в дальних походах...

Всё в порядке? Итак, вперёд, будь внимателен, читатель!

А я буду ждать тебя!

Напиши мне, как прошло твоё путешествие в сказку, трудной ли была дорога в былину?..

Напиши... Я буду ждать...

Г. Карнаухова

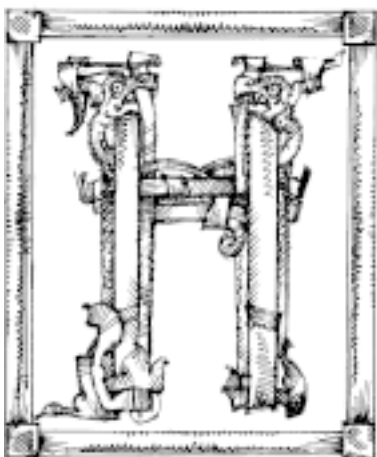
БЫЛИНЫ

БЫЛИНЫ

**А и сильные, могучие богатыри на славной Руси!
Не скакать врагам по нашей земле!
Не топтать их коням землю Русскую!
Не затмить им солнце наше красное!
Век стоит Русь – не шатается!
И века простоит – не шелохнется!**

а высоких холмах стоит Киев-город. В старину опоясывал его земляной вал, окружали рвы. С зелёных холмов киевских далеко было видно. Видны были пригороды и многолюдные сёла, тучные земли пахотные, синяя лента Днепра, золотые пески на левом берегу, сосновые рощи...

Пахали под Киевом землю пахари. По берегам реки строили умелые корабельщики лёгкие ладьи, долбили челны дубовые. В лугах и по заводям пасли пастухи круторогий скот.

За пригородами и сёлами тянулись леса дремучие. Бродили по ним охотники, добывали медведей, волков, туров – быков рогатых – и мелкого зверя видимо-невидимо.

А за лесами раскинулись степи без конца и края. Шло из этих степей на Русь много горюшка. Налетали из них на русские сёла кочевники – жгли и грабили, уводили русских людей в полон.

Чтоб беречь от них землю Русскую, разбросались по краю степи заставы богатырские, маленькие крепости. Оберегали они путь на Киев, защищали от врагов, от чужих людей.

А по степям без усталости разъезжали богатыри на могучих конях, зорко всматривались в даль, не видать ли вражеских костров, не слышать ли топота чужих коней.

Дни и месяцы, годы, десятилетия оберегал землю родную Илья Муромец, ни дома себе не построил, ни семьи не завёл. И Добрыня, и Алёша, и Дунай Иванович – всё в степи да в чистом поле правили службу воинскую.

Изредка собирались они к князю Владимиру на двор – отдохнуть, попить, гуляров послушать, друг о друге узнать.

Коль тревожно время, нужны богатыри-воины, с честью встречает их Владимир-князь с княгиней Апраксией. Для них печи топятся, в гридне – гостиной горнице – для них столы ломятся от пирогов, калачей, жареных лебедей, от вина, браги, мёду сладкого. Для них на лавках барсовы шкуры лежат, медвежьи на стенах развешаны.

Но есть у князя Владимира и погреба глубокие, и замки железные, и клетки каменные. Чуть что не по нём, не вспомнит князь о ратных подвигах, не посмотрит на честь богатырскую...

Зато в чёрных избах по всей Руси простой народ богатырей любит, славит и чествует. Ржаным хлебом с ними делится, в красный угол сажает и поёт песни про славные подвиги – о том, как берегут, защищают богатыри родную Русь!

Слава, слава и в наши дни богатырям – защитникам Родины!

Высока высота поднебесная,
Глубока глубина океан-моря,
Широко раздолье по всей земле.
Глубоки омуты Днепровские,
Высоки горы Сорочинские,
Темны леса Брянские,
Черны грязи Смоленские,
Быстры-светлы реки русские.

А и сильные, могучие богатыри на славной Руси!

Вольга Всеславьевич

акатилось красное солнышко за горы высокие, рассыпались по небу частые звёздочки, родился в ту пору на матушке-Руси молодой богатырь – Вольга Всеславьевич. Запеленала его мать в красные пелёнки, завязала золотыми поясами, положила в резную колыбель, стала над ним песни петь. Только час проспал Вольга, проснулся, потянулся – лопнули золотые пояса, разорвались красные пелёнки, у резной колыбели днище выпало.

А Вольга на ноги стал да и говорит матери:

– Сударыня-матушка, не пеленай ты меня, не свивай ты меня, а одень меня в латы крепкие, в шлем позолоченный да дай мне в правую руку палицу, да чтобы весом была палица в сто пудов.

Испугалась мать, а Вольга растёт не по дням, не по часам, а по минуточкам.

Вот подрос Вольга до пяти годов. Другие ребята в такие годы только в чурочки играют, а Вольга научился уже грамоте – писать, и считать, и книги читать.

Как исполнилось ему шесть лет, пошёл он по земле гулять. От его шагов земля заколебалась. Услыхали звери и птицы его богатырскую поступь, испугались, попрятались. Туры-олени в горы убежали, соболя-куницы в норы залегли, мелкие звери в чашу забились, спрятались рыбы в глубокие места.

Стал Вольга Всеславьевич обучаться всяким хитростям. Научился он соколом по небу летать, научился серым волком обёртываться, оленем по горам скакать.

Вот исполнилось Вольге пятнадцать лет. Стал он собирать себе товарищей. Набрал дружину в двадцать девять человек, – сам Вольга в дружине тридцатый. Всем молодцам по пятнадцати лет, все могучие богатыри. У них кони быстрые, стрелы меткие, мечи острые.

Собрал свою дружину Вольга и поехал с ней в чистое поле, в широкую степь.

Не скрипят за ними возы с поклажей, не везут за ними ни постелей пуховых, ни одеял меховых, не бегут за ними слуги, стольники, поварники...

Для них периной – сухая земля, подушкой – седло черкасское, еды в степи, в лесах много – был бы стрел запас да кремь и огниво.

Вот раскинули молодцы в степи стан, развели костры, накормили коней. Посылает Вольга младших дружинников в дремучие леса:

– Берите вы сети шелкóвые, ставьте их в тёмном лесу по самой земле и ловите куниц, лисиц, чёрных соболей, будем дружине шубы запасать.

Разбрелись дружинники по лесам. Ждёт их Вольга день, ждёт другой, третий день к вечеру клонится. Тут приехали дружинники невеселы: о корни ноги сбили, о колючки платье оборвали, а вернулись в стан с пустыми руками. Не попала им в сети ни одна зверушка.

Рассмеялся Вольга:

– Эх вы, охотнички! Возвращайтесь в лес, становитесь к сетям да смотрите, молодцы, в оба.

Ударился Вольга óземь, обернулся серым волком, побежал в леса. Выгнал он зверя из нор, дупел, из валежника, погнал в сети и лисиц, и куниц, и соболей. Он и мелким зверьком не побрезговал, наловил к ужину серых заюшек.

Воротились дружинники с богатой добычей.

Накормил-напоил дружину Вольга да ещё и обул, одел. Носят дружинники дорогие шубы соболиные, на перемену у них есть и шубы барсовые. Не нахвалятся Вольгой, не налюбуются.

Вот время идёт да идёт, посылает Вольга средних дружинников:

– Наставьте вы силков в лесу на высоких дубах, наловите гусей, лебедей, серых уток.

Рассыпались богатыри по лесу, наставили силков, думали с богатой добычей домой прийти, а не поймали даже серого воробья.

Вернулись они в стан невеселы, ниже плеч буйны головы повесили. От Вольги глаза прячут, отворачиваются.

А Вольга над ними посмеивается:

– Что без добычи вернулись, охотнички? Ну ладно, будет вам чем попить. Идите к силкам да смотрите зорко.

Ударился Вольга оземь, взлетел белым соколом, поднялся высоко под самое облако, глянул вниз на всякую птицу поднебесную. Бьёт он гусей, лебедей, серых уток: только пух от них летит, словно снегом землю кроет. Кого сам не побил, того в силки загнал.

Воротились богатыри в стан с богатой добычей. Развели костры, напекли дичины, запивают дичину ключевой водой, Вольгу похваливают.

Много ли, мало ли времени прошло, посылает снова Вольга своих дружинников:

– Стройте вы лодки дубовые, вейте невода шелкóвые, поплавки берите кленовые, выезжайте вы в синее море, ловите сёмгу, белугу, севрюжину.

Ловили дружинники десять дней, а не поймали и мелкого ёршика.

Обернулся Вольга зубастой щукой, нырнул в море, выгнал рыбу из глубоких ям, загнал в невода шелкóвые.

Привезли молодцы полные лодки и сёмги, и белуги, и усатых сомов.

Гуляют дружинники по чистому полю, ведут богатырские игры, стрелы мечут, на конях скачут, силой богатырской меряются...

Вдруг услышал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович на Русь войной собирается. Разгорелось его молодецкое сердце, созвал он дружинников и говорит:

– Полно вам бока пролёживать, полно силу нагуливать, пришла пора послужить родной земле, защитить Русь от Салтана Бекетовича. Кто из вас в турецкий стан проберётся, Салтановы помыслы узнает?

Молчат молодцы, друг за друга прячутся: старший – за среднего, средний – за младшего, а младший и рот закрыл.

Рассердился Вольга:

– Видно, надо мне самому идти!

Обернулся он туром – золотые рога. Первый раз скакнул – версту проскочил, второй раз скакнул – только его и видели.

Доскакал Вольга до турецкого царства, обернулся серым воробушком, сел на окно к царю Салтану и слушает. А Салтан по горнице похаживает, узорчатой плёткой пощёлкивает и говорит своей жене Азвяковне:

– Я задумал идти войной на Русь. Завоюю девять городов, сам сяду князем в Киеве, девять городов раздам девяти сыновьям, тебе подарю соболий шушун.

А царица Азвяковна невесело глядит.

– Ах, царь Салтан, нынче мне плохой сон виделся: будто бился в поле чёрный ворон с белым соколом. Белый сокол чёрного ворона закогтил, перья на ветер выпустил. Белый сокол – это русский богатырь Вольга Всеславьевич, чёрный ворон – ты, Салтан Бекетович. Не ходи ты на Русь. Не взять тебе девяти городов, не княжить в Киеве.

Рассердился царь Салтан, ударил царицу плёткою:

– Не боюсь я русских богатырей, буду я княжить в Киеве.

Тут Вольга слетел вниз воробушком, обернулся горностаюшкой. У него тело узкое, зубы острые.

Побежал горностай по царскому двору, пробрался в глубокие подвалы царские. Там у луков тугих тетиву пооткусывал, у стрел древки перегрыз, сабли повыщербил, палицы дугой согнул.

Вылез горностай из подвала, обернулся серым волком, побежал на царские конюшни – всех турецких коней загрыз, задушил.

Выбрался Вольга из царского двора, обернулся ясным соколом, полетел в чистое поле к своей дружине, разбудил богатырей:

– Эй, дружина моя храбрая, не время теперь спать, пора вставать! Собирайтесь в поход к Золотой Орде, к Салтану Бекетовичу!

Подшли они к Золотой Орде, а кругом Орды – стена каменная, высокая. Ворота в стене железные, крюки-засовы медные, у ворот караулы бессонные – не перелететь, не перейти, ворот не выломать.

Запечалились богатыри, задумались: «Как одолеть стену высокую, ворота железные?»

Молодой Вольга догадался: обернулся малой мошкой, всех молодцев обернул мурашками, и пролезли мурашки под воротами. А на той стороне стали воинами.

Ударили они на Салтанову силу, словно гром с небес. А у турецкого войска сабли затуплены, мечи повыщерблены. Тут турецкое войско на убог пошло.

Прошли русские богатыри по Золотой Орде, всю Салтанову силу кончили.

Сам Салтан Бекетович в свой дворец убежал, железные двери закрыл, медные засовы задвинул.

Как ударил в дверь ногой Вольга, все запорыболты вылетели, железные двери лопнули.

Зашёл в горницу Вольга, ухватил Салтана за руки:

– Не бывать тебе, Салтан, на Руси, не жечь, не палить русские города, не сидеть князем в Киеве.

Ударил его Вольга о каменный пол и расшиб Салтана до смерти.

– Не хвались, Орда, своей силой, не иди войной на Русь-матушку!

Микула Селянинович

анним утром, ранним солнышком собрался Вольга брать дани-побдати с городов торговых Гурчевца да Ореховца.

Села дружина на добрых коней, на каурых жеребчиков и в путь отправилась. Выехали молодцы в чистое поле, в широкое раздолье и услышали в поле пахаря. Пашет пахарь, посвистывает, лемехи по камешкам почиркивают. Будто пахарь где-то рядышком соху ведёт. Едут молодцы к пахарю, едут день до вечера, а не могут до него доскакать. Слышно, как пахарь посвистывает, слышно, как сошка поскрипывает, как лемешки почиркивают, а самого пахаря и глазом не видать.

Едут молодцы другой день до вечера, так же всё пахарь посвистывает, сошенька поскрипывает, лемешки почиркивают, а пахаря нет как нет.

Третий день идёт к вечеру, тут только молодцы до пахаря доехали. Пашет пахарь, понукивает, на кобылку свою погукивает. Борозды кладёт, как рвы, глубокие, из земли дубы вывёртывает, камни-валуны в сторону отбрасывает. Только кудри у пахаря качаются, шёлком по плечам рассыпаются.

А кобылка у пахаря немудрая, а соха у него кленовая, гужи шелкóвые. Подивился на него Вольга, поклонился учтиво:

- Здравствуй, добрый человек, в поле трудничек!
- Здоров будь, Вольга Всеславьевич. Куда путь держишь?
- Еду в города Гурчевец да Ореховец, собирать с торговых людей дани-побдати.
- Эх, Вольга Всеславьевич, в тех городах живут всё разбойники, дерут шкуру с бедного пахаря, собирают за проезд по дорогам пошлины. Я поехал туда соли купить, закупил соли три мешка, каждый мешок сто пудов, положил на кобылку серую и домой к себе направился.

Окружили меня люди торговые, стали брать с меня подорожные денежки. Чем я больше даю, тем им больше хочется. Рассердился я, разгневался, заплатил им шелкóвую плёткою. Ну, который стоял, тот сидит, а который сидел, тот лежит.

Удивился Вольга, поклонился пахарю:

– Ай же ты, славный пахарь, могучий богатырь, поезжай ты со мной за товарища.

– Что ж, поеду, Вольга Всеславьевич, надо им наказ дать – других мужиков не обижать.

Снял пахарь с сохи гужи шелковые, распряг кобылку серую, сел на неё верхом и в путь отправился.

Проскакали молодцы полпути. Говорит пахарь Вольге Всеславьевичу:

– Ох, неладное дело мы сделали, в борозде соху оставили. Ты пошли молодцов-дружинников, чтобы сошку из борозды выдернули, землю бы с неё вытряхнули, положили бы соху под ракитовый куст.

Послал Вольга трёх дружинников.

Вертят сошку они и так и сяк, а не могут сошку от земли поднять.

Послал Вольга десять витязей. Вертят сошку они в двадцать рук, а не могут с места содрать.

Тут поехал Вольга со всей дружиной. Тридцать человек без единого облепили сошку со всех сторон, понатужились, по колена в землю ушли, а сошку и на волос не сдвинули.

Слез с кобылки тут пахарь сам, взялся за сошку одной рукой, из земли её выдернул, из лемешков землю вытряхнул. Лемехи травой вычистил.

Дело сделали и поехали богатыри дальше путём-дорогою.

Вот подъехали они под Гурчевец да Ореховец. А там люди торговые хитрые: как увидели пахаря, подсекли брёвна дубовые на мосту через речку Ореховец.

Чуть взошла дружина на мост, подломились брёвна дубовые, стали молодцы в реке тонуть, стала гибнуть дружина храбрая, стали кони, люди на дно идти.

Рассердились Вольга с Микулой, разгневались, хлестнули своих добрых коней, в один скок реку перепрыгнули. Соскочили на тот бережок да и начали злодеев чествовать.

Пахарь плетью бьёт, приговаривает:

– Эх вы, жадные люди торговые! Мужики город хлебом кормят, мёдом поят, а вы соли им жалеете!

Вольга палицей жалует за дружинников, за богатырских коней.

Стали люди гурчевецкие каяться:

– Вы простите нас за злодейство, за хитрости. Берите с нас дани-подати, и пускай едут пахари за солью, никто с них гроша не потребует.

Взял Вольга с них дани-подати за двенадцать лет, и поехали богатыри домой.

Спрашивает пахаря Вольга Всеславьевич:

– Ты скажи мне, русский богатырь, как зовут тебя, величают по отчеству?

– Поезжай ко мне, Вольга Всеславьевич, на мой крестьянский двор, так узнаешь, как меня люди чествуют.

Подъехали богатыри к полю. Вытащил пахарь сошеньку, распахал широкое полюшко, засеял золотым зерном...

Ещё заря горит, а у пахаря поле колосом шумит.

Тёмная ночь идёт – пахарь хлеб жнёт. Утром вымолотил, к полудню вывезл, к обеду муки намолот, пироги завёл. К вечеру созвал народ на почёстен пир. Стали люди пироги есть, брагу пить да пахаря похваливать:

– Ай спасибо тебе, Микула Селянинович!

Святогор-богатырь

ысоки на Руси Святые горы, глубоки их ущелья, страшны пропасти. Не растут там ни берёзка, ни дуб, ни осина, ни зелёная трава. Там и волк не пробежит, орёл не пролетит, муравью и тому пожить на голых скалах нечем. Только богатырь Святогор разъезжает между утёсов на своём могучем коне.

Через пропасти конь перескакивает, через ущелья перепрыгивает, с горы на гору переступает.

Ездит старый по Святым горам.
Тут колеблется мать сыра земля,
Осыпаются камни в пропасти,
Выливаются быстры реченьки.

Ростом богатырь Святогор выше тёмного леса, головой облака подпирает, скачет по горам – горы под ним шатаются, в реку заедет – вся вода из реки выплеснется. Ездит он сутки, другие, третьи, – остановится, раскинет шатёр – ляжет, выспится, и снова по горам его конь бредёт.

Скучно Святогору-богатырю, тоскливо старому: в горах не с кем слова перемолвить, не с кем силой помериться.

Поехать бы ему на Русь, погулять бы с другими богатырями, побиться с врагами, растряссти бы силу, да вот беда: не держит его земля, только каменные утёсы святогорские под его тяжестью не рушатся, не падают, только их хребты не трещат под копытами его коня богатырского.

Тяжко Святогору от своей силы, носит он её как трудное бремя, рад бы половину силы отдать, да некому. Рад бы самый тяжкий труд справиться, да труда по плечу не находится. За что рукой ни возьмётся – всё в крошки рассыплется, в блин расплющится.

Стал бы он леса корчевать, да для него леса – что луговая трава. Стал бы он горы ворочать, да это никому не надобно. Так и ездит он один по Святым горам, голову от тоски ниже гнёт...

– Эх, найти бы мне земную тягу, я бы в небо кольцо вбил, привязал к кольцу цепь железную, притянул бы небо к земле, повернул бы землю краем вверх, небо с землёй смешал, – поистратил бы немного силушки!

Да где её – тягу – найти!

Едет раз Святогор по долине между утёсов, и вдруг – впереди живой человек идёт!
Идёт невзрачный мужичок, лаптями притоптывает, на плече несёт перемётную суму.

Обрадовался Святогор: будет с кем словом перемолвиться, – стал мужичка догонять.

Тот идёт себе, не спешит, а Святогоров конь во всю силу скачет, да догнать мужика не может. Идёт мужичок, не торопится, сумочку с плеча на плечо перебрасывает. Скачет Святогор во всю прыть – всё прохожий впереди! Едет шагом – всё не догнать!

Закричал ему Святогор:

– Эй, прохожий молодец, подожди меня!

Остановился мужичок, сложил свою сумочку наземь.

Подскакал Святогор, поздоровался и спрашивает:

– Что это у тебя за ноша в этой сумочке?

– А ты возьми мою сумочку, перекинь через плечо да и пробеги с ней по полю.

Рассмеялся Святогор так, что горы затряслись: хотел сумочку плёткой поддеть, а сумочка не сдвинулась, стал копьём толкать – не шелёхнется, пробовал пальцем поднять – не поднимается...

Слез Святогор с коня, взял правой рукой сумочку – на волос не сдвинул. Ухватил богатырь сумочку двумя руками, рванул изо всей силы – только до колен поднял. Глядь – а сам по колено в землю ушёл, по лицу его не пот, а кровь течёт, сердце замерло...

Бросил Святогор сумочку, на землю упал – по горам-долам гул пошёл.

Еле отдышался богатырь:

– Ты скажи мне, что у тебя в сумочке положено? Скажи, научи, я о таком чуде не слышивал. Сила у меня непомерная, а я такой песчинки поднять не могу!

– Почему не сказать – скажу: в моей маленькой сумочке вся тяга земная лежит.

Опустил Святогор голову:

– Вот что значит тяга земная. А кто ты сам и как зовут тебя, прохожий человек?

– Пахарь я, Микула Селянинович.

– Вижу я, добрый человек, любит тебя мать сыра земля! Может, ты мне про судьбу мою расскажешь? Тяжело мне одному по горам скакать, не могу я больше так на свете жить.

– Поезжай, богатырь, до Северных гор. У тех гор стоит железная кузница. В той кузне кузнец всем судьбу куёт, у него и про свою судьбу узнаешь.

Вскинул Микула Селянинович сумочку на плечо и зашагал прочь.

А Святогор на коня вскочил и поскакал к Северным горам.

Ехал-ехал Святогор три дня, три ночи, трое суток спать не ложился – доехал до Северных гор. Тут утёсы ещё голей, пропасти ещё черней, реки глубокие бурливее...

Под самым облаком, на голой скале, увидел Святогор железную кузницу. В кузнице яркий огонь горит, из кузницы чёрный дым валит, звон-стук по всей округе идёт.

Зашёл Святогор в кузницу и видит: стоит у наковальни седой старичок, одной рукой мехи раздувает, другой – молотом по наковальне бьёт, а на наковальне-то не видно ничего.

– Кузнец, кузнец, что ты, батюшка, куёшь?

– Подойди поближе, наклонись пониже!

Нагнулся Святогор, поглядел и удивился: куёт кузнец два тонких волоса.

– Что это у тебя, кузнец?

– Вот два волоса скую, волос с волосом совью – два человека и женятся.

- А на ком мне жениться судьба велит?
- Твоя невеста на краю гор в ветхой избушке живёт.

Поехал Святогор на край гор, нашёл ветхую избушку. Вошёл в неё богатырь, положил на стол подарок – сумку с золотом. Огляделся Святогор и видит: лежит недвижно на лавке девушка, вся корой и струпьями покрыта, глаз не открывает.

Жаль её стало Святогору. Что так лежит и мучается? И смерть не идёт, и жизни нету.

Выхватил Святогор свой острый меч, хотел ударить девушку, да рука не поднялась. Упал меч на дубовый пол.

Святогор выскочил из избушки, на коня сел и поскакал к Святым горам.

А девушка тем временем глаза открыла и видит: лежит на полу богатырский меч, на столе – мешок золота, а с неё вся кора свалилась, и тело у неё чистое, и силы у неё прибыли.

Встала она, прошлась по горенке, вышла за порог, нагнулась над озерком и ахнула: смотрит на неё из озера девица-красавица – и статна, и бела, и румяна, и очи ясные, и косы русые!

Взяла она золото, что на столе лежало, построила корабли, нагрузила товарами и пустилась по синему морю торговать, счастье искать.

Куда бы ни приехала, весь народ бежит товары покупать, на красавицу любоваться. Слава о ней по всей Руси идёт.

Вот доехала до Святых гор, слух о ней и до Святогора дошёл. Захотелось ему тоже на красавицу поглядеть.

Взглянул он на неё – и полюбилась ему девушка.

– Вот это невеста по мне, за эту я посватаюсь!

Полюбился и Святогор девушке.

Поженились они, и стала жена Святогору про свою прежнюю жизнь рассказывать, как она тридцать лет лежала, корой покрытая, как вылечилась, как деньги на столе нашла.

Удивился Святогор, да ничего жене не сказал.

Бросила девушка торговать, по морям плавать, стала жить со Святогором на Святых горах.

Алёша Попович и Тугарин Змеевич

славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один-единственный сын. Звали его Алёша, прозывали по отцу Поповичем.

Алёша Попович грамоте не учился, за книги не садился, а учился с малых лет копьём владеть, из лука стрелять, богатырских коней укрощать. Силой Алёша не большой богатырь, зато дерзостью да хитростью взял.

Вот подрос Алёша Попович до шестнадцати лет, и скучно ему стало в отцовском доме.

Стал он просить отца отпустить его в чистое поле, в широкое раздолье, по Руси привольной поездить, до синего моря добраться, в лесах поохотиться. Отпустил его отец, дал ему коня богатырского, саблю, копьё острое да лук со стрелами. Стал Алёша коня седлать, стал приговаривать:

– Служи мне верно, богатырский конь. Не оставь меня ни мёртвым, ни раненым серым волкам на растерзание, чёрным воронам на расклевание, врагам на поругание! Где б мы ни были, домой привези!

Обрядил он своего коня по-княжески. Седло черкасское, подпруга шелковая, узда золочёная.

Позвал Алёша с собой любимого друга Екима Ивановича и поутру в субботу из дому выехал искать себе богатырской славы.

Вот едут верные друзья плечо в плечо, стремя в стремя, по сторонам поглядывают. Никого в степи не видно – ни богатыря, с кем бы силой помериться, ни зверя, чтоб поохотиться. Раскинулась под солнцем русская степь без конца, без края, и шороха в ней не слышать, в небе птицы не видать.

Вдруг видит Алёша – лежит на кургане камень, а на камне что-то написано. Говорит Алёша Екиму Ивановичу:

– Ну-ка, Екимушка, прочитай, что на камне написано. Ты хорошо грамотный, а я грамоте не обучен и читать не могу.

Соскочил Еким с коня, стал на камне надпись разбирать.

– Вот, Алёшенька, что на камне написано: правая дорога ведёт к Чернигову, левая дорога – в Киев, к князю Владимиру, а прямо дорога – к синему морю, к тихим заводям.

– Куда же нам, Еким, путь держать?

– К синему морю ехать далеко, к Чернигову ехать незачем: там калачницы хорошие. Съешь один калач – другой захочется, съешь другой – на перину завалишься, не сыскать нам там богатырской славы. А поедем мы к князю Владимиру, может, он нас в свою дружину возьмёт.

– Ну, так завернём, Еким, на левый путь.

Завернули молодцы коней и поехали по дороге к Киеву. Доехали они до берега Сафат-реки, поставили белый шатёр.

Алёша с коня соскочил, в шатёр вошёл, лёг на зелёную траву и заснул крепким сном. А Еким коней расседлал, напоил, прогулял, стреножил и в луга пустил, только тогда отдыхать пошёл.

Утром-светом проснулся Алёша, росой умылся, белым полотенцем вытерся, стал кудри расчёсывать.

А Еким вскочил, за конями ходил, попоил их, овсом покормил, заседлал и своего и Алёшиного.

Снова молодцы в путь пустились.

Едут-едут, вдруг видят – среди степи идёт старичок. Нищий странник – калика переходный.

На нём лапти из семи шелков сплетённые, на нём шуба соболиная, шапка греческая, а в руках дубинка дорожная.

Увидал он молодцев, загородил им путь:

– Ой вы, молодцы удалые, вы не ездите за Сафат-реку. Стал там станом злой враг Тугарин, Змея сын. Вышиной он – как высокий дуб, меж плечами косая сажень, между глаз можно стрелу положить. У него крылатый конь – как лютый зверь: из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Не езжайте туда, молодцы!

Екимушка на Алёшу поглядывает, а Алёша распалился, разгневался:

– Чтобы я да всякой нечисти дорогу уступил! Не могу я его взять силой, возьму хитростью. Братец мой, дорожный странничек, дай ты мне на время твоё платье, возьми мои богатырские доспехи, помоги мне с Тугарином справиться.

– Ладно, бери, да смотри, чтобы беды не было: он тебя в один глоток проглотить может.

– Ничего, как-нибудь справимся!

Надел Алёша цветное платье и пошёл пешком к Сафат-реке.

Идёт, на дубинку опирается, прихрамывает...

Увидел его Тугарин Змеевич, закричал так, что дрогнула земля, согнулись высокие дубы, воды из реки выплеснулись. Алёша еле жив стоит, ноги у него подкашиваются.

– Гей, – кричит Тугарин, – гей, странничек, не видал ли ты Алёшу Поповича? Мне бы хотелось его найти, да копьём поколоть, да огнём пожечь.

А Алёша шляпу греческую на лицо натянул, закричал, застонал и отвечает стариковским голосом:

– Ох-ох-ох, не гневись на меня, Тугарин Змеевич! Я от старости оглох, ничего не слышу, что ты мне приказываешь. Подъезжай ко мне поближе, к убогому.

Подъехал Тугарин к Алёше, наклонился с седла, хотел ему в ухо гаркнуть, а Алёша ловок, увёртлив был, как хватит его дубинкой между глаз – так Тугарин без памяти на землю пал.

Снял с него Алёша дорогое платье, самоцветами расшитое, не дешёвое платье, ценой в сто тысяч, на себя надел. Самого Тугарина к седлу приторочил и поехал обратно к своим друзьям.

А там Еким Иванович сам не свой, рвётся Алёше помочь, да нельзя в богатырское дело вмешиваться, Алёшиной славе мешать.

Вдруг видит Еким – скачет конь что лютый зверь, на нём в дорогом платье Тугарин сидит.

Разгневался Еким, бросил наотмашь свою палицу в тридцать пудов, прямо в грудь Алёше Поповичу. Свалился Алёша замертво.

А Еким кинжал вытащил, бросился к упавшему, хочет добить Тугарина... И вдруг видит – перед ним Алёша лежит...

Грянулся наземь Еким Иванович, горько расплакался:

– Убил я, убил своего брата названного, дорогого Алёшу Поповича!

Стали они с каликой Алёшу трясти, качать, влили ему в рот питья заморского, растирали травами лечебными. Открыл глаза Алёша, встал на ноги, на ногах стоит-шатается.

Еким Иванович от радости сам не свой. Снял он с Алёши платье Тугарина, одел его в богатырские доспехи, отдал калике его добро. Посадил Алёшу на коня, сам рядом пошёл: Алёшу поддерживает.

Только у самого Киева Алёша в силу вошёл.

Подъехали они к Киеву в воскресенье, к обеденной поре. Заехали на княжеский двор, соскочили с коней, привязали их к дубовым столбам и вошли в горницу.

Князь Владимир их ласково встречает:

– Здравствуйте, гости милые, вы откуда ко мне приехали? Как зовут вас по имени, величают по отчеству?

– Я из города Ростова, сын соборного попа Леонтия. А зовут меня Алёшей Поповичем. Ехали мы чистой степью, повстречали Тугарина Змеевича, он теперь у меня в тороках висит.

Обрадовался Владимир-князь:

– Ну и богатырь ты, Алёшенька! Куда хочешь за стол садись: хочешь – рядом со мной, хочешь – против меня, хочешь – рядом с княгинею.

Алёша Попович не раздумывал, сел он рядом с княгинею.

А Еким Иванович у печки стал.

Крикнул князь Владимир прислужников:

– Развяжите Тугарина Змеевича, принесите сюда в горницу!

Только Алёша взялся за хлеб, за соль – растворились двери горницы, внесли двенадцать конюхов на золотой доске Тугарина, посадили рядом с князем Владимиром.

Прибежали стольники, принесли жареных гусей, лебедей, принесли ковши мёду сладкого.

А Тугарин неучтиво себя ведёт, невежливо. Ухватил лебёдушку и с костями съел, по ковриге целой за щёку запихивает. Сгрёб пироги сдобные да в рот побросал, за один дух десять ковшей мёду в глотку льёт.

Не успели гости кусочка взять, а уже на столе только косточки.

Нахмурился Алёша Попович и говорит:

– У моего батюшки попа Леонтия была собака старая и жадная. Ухватила она большую кость да и подавилась. Я её за хвост схватил, под гору метнул, – то же будет от меня Тугарину.

Потемнел Тугарин, как осенняя ночь, выхватил острый кинжал и метнул его в Алёшу Поповича.

Тут бы Алёше и конец пришёл, да вскочил Еким Иванович, на лету кинжал перехватил.

– Братец мой, Алёша Попович, сам изволишь в него нож бросать или мне позволишь?

– И сам не брошу, и тебе не позволю: неучтиво у князя в горнице ссору вести. А переведаюсь я с ним завтра в чистом поле, и не быть Тугарину живому завтра к вечеру.

Зашумели гости, заспорили, стали заклад держать, всё за Тугарина ставят – и корабли, и товары, и деньги.

За Алёшу ставят только княгиня Апраксия да Еким Иванович.

Встал Алёша из-за стола, поехал с Екимом в свой шатёр на Сафат-реке.

Всю ночь Алёша не спит, на небо смотрит, подзывает тучу грозовую, чтобы смочила дождём Тугаринову крылья.

Утром-светом прилетел Тугарин, над шатром вьётся, хочет сверху ударить. Да не зря Алёша ночь не спал: налетела туча громовая, грозовая, пролилась дождём, смочила Тугаринову коню могучие крылья. Грянулся конь наземь, по земле поскакал.

А Алёша крепко в седле сидит, острой сабелькой помахивает.

Заревел Тугарин так, что лист с деревьев посыпался:

– Тут тебе, Алёшка, конец: захочу – огнём спалю, захочу – конём потопчу, захочу – копьём заколю.

Подъехал к нему Алёша поближе и говорит:

– Что же ты, Тугарин, обманываешь?! Бились мы с тобой об заклад, что один на один силой померяемся, а теперь за тобой стоит сила несметная!

Оглянулся Тугарин назад, хотел посмотреть, какая сила за ним стоит, а Алёше только того и надобно. Взмахнул острой саблей и отсек ему голову!

Покатилась голова на землю, как пивной котёл, загудела земля-матушка! Соскочил Алёша с коня, хотел взять голову, да не мог от земли на вершок поднять. Крикнул Алёша Попович зычным голосом:

– Эй вы, верные товарищи, помогите голову Тугарина с земли поднять!

Подъехал Еким Иванович с товарищами, помог Алёше Поповичу голову Тугарина на богатырского коня взвалить.

Как приехали они к Киеву, заехали на княжеский двор, бросили среди двора чудище.

Вышел князь Владимир с княгиней, приглашал Алёшу за княжеский стол, говорил Алёше ласковые слова:

– Живи ты, Алёша, в Киеве, послужи мне, князю Владимиру. Я тебя, Алёша, пожалую. Остался Алёша в Киеве дружинником.

Так про молодого Алёшу старину поют, чтобы добрые люди слушали:

Наш Алёша роду поповского,
Ох и храбр и умён, да нравом сварлив.
Он не так силён, как напуском смел.

Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча

ила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у неё любимый сын – богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый. Никого он не заругает, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошёл он к матери Мамелфе Тимофеевне:

– Отпусти меня, матушка, съездить к Пучайреке, в студёной воде искупаться, – истомила меня жара летняя.

Разохалась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

– Милый сын мой Добрынюшка, ты не ездь к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечёт, из второй струйки искры сыплются, из третьей струйки дым столбом валит.

– Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плёточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой; жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову.

Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несёт.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге:

– Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, всё оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывёт Добрыня по Пучай-реке, удивляется:

– Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать – вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трёх головах, о семи когтях, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидел Змей Добрыню, громом загремел:

– Эх, старые люди пророчили, что убьёт меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришёл. Захочу теперь – живым сожру, захочу – в своё логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

– Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо Добрыня плавать умел; он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеинового, вскочил на коня да и был таков. И увёз всё оружие Добрынино.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться.

А Змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горячими, жжёт Добрыне тело белое. Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег – нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только жёлтый песок на крутом берегу, да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в неё песку жёлтого – ни много ни мало пять пудов – да как ударит шляпой Змея Горыныча – и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить ещё две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

– Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться! Дам тебе я великий обет: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеёнышей.

Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его, проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница.

Увидел Змей княжну, обрадовался, кинулся на неё из-под облака, ухватил в свои медные когти и унёс на горы Сорочинские.

В это время Добрыня слугу нашёл, стал надевать платье дорожное, – вдруг потемнело небо, гром загредел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несёт в когтях Забаву Путятишну!

Тут Добрыня запечалился – запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал.

Стала его мать расспрашивать:

– Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чём, мой свет, печалишься?

– Ни об чём не кручiniusь, ни об чём я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня весёлый пир.

– Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует моё сердце. Мы и дома пир заведём.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошёл в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломаются, стоят бочки мёда сладкого, а гости не едят, не пьют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

– Эх, гости мои любимые, невесёлый у нас пир идёт! И княгине горько, и мне нерадостно. Унёс проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит её?!

Куда там! Прячутся гости друг за дружку: большие – за средних, средние – за меньших, а меньшие и рот закрыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алёша Попович:

– Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного братца выпросит.

Рассердился Владимир-князь:

– Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны – прикажу тебе голову срубить!

Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит – на Добрыне лица нет.

– Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя, или чарой обнесли, или на худое место посадили?

– Не обидели меня, и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию.

– А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

– Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унёс.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

– Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней, завтра будем совет держать.

Лёг Добрыня спать. Спит, храпит, что поток шумит.

А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетёт всю ночь из семи шелков плёточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

– Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, не под силу нам была дверь дубовая. Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет не обихоженный. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошёл Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку на белый свет, почистил, выкупал, привёл ко крыльцу. Стал Бурушку засёдлывать. Положил на него потничек, сверху потничка – войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зануздал золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плётку-семихвостку:

– Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конём налети на логово и начни топтать змеёнышей. Будут змеёныши Бурке ноги обвивать, а ты Бурку плёткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеёнышей отряхивать и всех притопчет до единого.

... Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжал сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой.

День уходит за днём, будто дождь дождит, а неделя за неделей как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горё у змеинового логова кишмя кишат змеёныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает.

Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плётку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

– Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеёнышей отряхивай.

От плётки у Бурушки силы прибывало, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеёнышей отряхивать. Он их копытом бьёт и зубами рвёт и притоптал всех до единого.

Сошёл Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую – богатырскую палицу и пошёл к змеиным пещерам.

Только шаг ступил – потемнело небо, гром загремел: летит Змей Горыныч, в когтях мёртвое тело держит. Из пасти огонь сечёт, из ушей дым валит, медные когти как жар горят...

Увидел Змей Добрынюшку, бросил мёртвое тело наземь, зарычал громким голосом:

– Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детёнышей?

– Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унёс Забаву Путятишну?! Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

– Не отдам я Забаву Путятишну, я её сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму!

Рассердился Добрыня и на Змея бросился.

И пошёл тут жестокий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на аршин в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать...

Вспомнил тут Добрыня про плёточку, выхватил её и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле прижал, а правой рукой плёткой охаживает. Бил, бил его плёткой шелковой, укротил, как скотину, и отрубил все головы.

Хлынула из Змея чёрная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в чёрной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет Русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришёл, вынул плёточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

– Расступись ты, мать сыра земля, и пожри кровь змеиную.

Расступилась сырая земля и пожрала кровь змеиную.

Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошёл к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и засовы, зашёл в первую пещеру. А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать.

Говорит им Добрынюшка:

– Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.

Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться:

– Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!

А Добрыня дальше идёт, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики, и молодухи, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.

Так прошёл Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашёл Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.

А она на ногах стоит-шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил её Добрыня на зелёную траву, накормил, напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилёг.

Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя и в путь тронулся. А кругом народу и счёту нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.

Выехал Добрыня в жёлтую степь, пришпорил коня и повёз Забаву Путятишну к Киеву.

Добрыня Никитич в отъезде

ного ли, мало ли времени прошло, женился Добрыня на дочери Микулы Селяниновича – молодой Настасье Микулишне. Только год Добрыня с женой в тихом доме прожил, присылает раз за ним князь Владимир и говорит ему:

– Полно тебе, Добрыня, дома сидеть, надо править службу княжескую. Поезжай, расчисти прямой путь в Золотую Орду к Бекету Бекетовичу. На том пути летает злой чёрный ворон, не даёт русским людям ни пройти ни проехать. А потом езжай в Чудь белоглазую, получи с неё дань за десять лет да обратным путём наведайся к Сарацинскому царству упрямому, чтобы не смели сарацины идти против Киева.

Запечалился Добрыня, да делать нечего.

Вернулся домой, прошёл к матушке Мамелфе Тимофеевне и стал ей горько жаловаться:

– Ты зачем меня, матушка, несчастного, родила? Завернула бы меня в льняную тряпочку да бросила бы камешком в синее море. Лежал бы я на дне, не ездил бы в дальние страны, не убивал бы людей, не печалил бы чужих матерей, не сиротил бы малых деточек.

Отвечает ему Мамелфа Тимофеевна:

– Я бы рада была, Добрынюшка, уродить тебя смелостью в Илью Муромца, силой в Святогорабогатыря, хитростью в Вольгу Всеславьевича, красотой в Иосифа Прекрасного, да это не в моих руках. А и сам ты не плох, Добрынюшка, незачем тебе на чужое счастье кивать. Что тебя так опечалило?

– Посылает меня князь в чужие края, с чёрным вороном биться, с сарацинами мириться, с Чуди белоглазой дани брать.

Ахнула Мамелфа Тимофеевна, побежала в терем к Настасье Микулишне:

– Ты чего сидишь, Настасьюшка, золотом сорочку шьёшь? К нам беда на двор пришла: отлетает наш ясный сокол, уезжает Добрынюшка на долгие годы.

Выбежала Настасья Микулишна из терема в одной белой рубахе без пояса, в тонких чулочках без чёботов, припала к стремени Добрынюшки, стала горько плакать, расспрашивать:

– Ты куда уезжаешь, сокол мой, надолго ли, когда мне мужа домой ожидать?

– Ожидай меня, жена, шесть лет. А шесть лет пройдёт и не вернусь домой – значит, я сложил свою буйную голову. Ну, тогда как хочешь живи: хоть вдовой, хоть замуж пойдёшь. Хочешь – иди за князя, за боярина, хочешь – иди за простого крестьянина, не ходи только за Алёшу Поповича.

Махнул рукой Добрыня да и был таков. Не дорожкой он поехал, не воротами, а перескочил через городскую стену, только пыль в степи столбом завилась...

...День за днём будто дождь дождит, неделя за неделей как трава растёт, год за годом как река бежит.

Сидит Настасья Микулишна у теремного окна, с дороги глаз не спускает, милого мужа дожидает.

Вот три года прошло – нет Добрыни из чистого поля.

И снова дни идут, недели бегут, годы тянутся...

Плачет Настасья Микулишна, глаз не осушает, от окна не отходит.

Ещё три года прошло – нет Добрыни из чистого поля.

Не две серые уточки вместе сплываются, не две белые лебёдушки слетаются, сидят обнявшись мать да жена, горькие слёзы льют.

Вдруг приходит к ним Алёшенька Леонтьевич и приносит нерадостную весть:

– Ехал я мимо Сафат-реки, увидел Добрыню Никитича. Лежит Добрыня в чистом поле, головой в ракилов куст, ногами на ковыль-траве. Сквозь жёлтые кудри трава проросла, расцвели цветы лазоревые.

Горько плакала Мамелфа Тимофеевна, стали волосы её из чёрных серебряными. А Настасью Микулишну стал Владимир-князь уговаривать:

– Плохо жить молодой вдове, дай-ка я тебя сосватаю, хоть за князя, хоть за боярина, хоть за русского могучего богатыря.

– Я ждала Добрыню по его наказу шесть лет, по своей воле буду ждать ещё шесть лет. А не будет его домой, тогда – твоя воля, князь.

Вот денёчек за денёчком как дождь дождит, а годочек за годочком как сокол летит.

Пролетело и ещё шесть лет.

Не вернулся Добрыня домой.

Тут Владимир-князь к Настасье пришёл:

– Полно тебе жить вдовой. Иди замуж за Алёшу Поповича, а не пойдёшь добром, возьмём силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.